

Ольга Маслюкова ОТРАЖЕНИЕ

Дунечка

Весна уже полностью вступила в свои права, и небольшое селение — около полусотни домов — утопало в зелени садов. От северного ветра деревню защищал старый ельник, может, поэтому здесь раньше, чем в других местах, зацвела сирень.

Солнце поднялось довольно высоко. Воробьи купались в теплой пыли, а петух взлетел на бочку с водой, бесстрашно устроился на краешке и, гордый

собой, закукарекал. Дворовый пес выбрался из своей будки погреться и, лениво помахивая хвостом, отгонял мух. Над всей этой деревенской идиллией простиралось светло-голубое безоблачное небо.

Возраст бревенчатого дома, который стоял на самой окраине, выдавали почерневшие бревна и шифер, давно поросший мхом. Маленькие окна, как заплатки, размещались на трех сторонах избы. Дунечка по очереди открывала каждое, ножом счищала зимний утеплитель с внутренних рам, потом брала кисть, опускала в баночку с краской и медленно водила ею по рамам. Была суббота.

Со стороны колодца, который находился на улице недалеко от калитки, приближался человек. Увидев Дунечку, он сел на скамейку, стоявшую возле палисадника.

— Привет, Дунька!

— Я тебе не Дунька, а Евдокия, — сурово ответила девушка парню из соседнего дома.

— Евдокия... Ух, ты! Дунька ты и есть Дунька! — продолжал насмехаться незванный гость. Выглядел парень довольно комично: невысокий, рыжеволосый и лицо все в веснушках. Рубашки на нем не было, только майка, брюки слегка приспущены. Тонкие губы насмешливо кривились, но тону он постарался придать дружелюбность.

Внезапно дверь со скрипом отворилась, во

двор вышел невысокий худощавый старик с бледным и немного желтоватым лицом, изрезанным глубокими морщинами. Клетчатая рубашка навывпуск прикрывала черного цвета брюки, почти достигая колен. Сильный кашель заставил его остановиться, но, прокашлявшись, он продолжил свой путь к калитке. Дед слышал язвительные реплики, адресованные внучке, поэтому недовольно посмотрел на парня.

— Петька, чего здесь расселся? Иди куда шел. Нечего тебе здесь делать, — сердито сказал он.

— Дед Емельян, ты чего разошелся? Я просто хотел с Дунькой поболтать.

— Ишь, хотел он! Только болтаешь ты хамовато. Видишь, она не хочет с тобой разговаривать. Иди своей дорогой!

— Да я что, я ничего. Посижу и уйду, — сопротивлялся Петька.

Дунечка убрала банку с краской с подоконника и перешла к другому окну. Ее белокурые от природы волосы были убраны под ситцевый платок, завязанный узлом на затылке. Почти незаметные брови такого же цвета, как и волосы, да светло-голубые глаза делали ее бледной и невзрачной. Но курносый носик и алые пухлые губки придавали привлекательность и некоторую моложавость, хотя девушке уже исполнилось двадцать восемь лет. Когда она училась в школе,

мальчишки дразнили ее Дунькой, и никто из них никогда не говорил Дуня. Только бабушка и дедушка называли ласково Дунечка. Насмехались сверстники до самого окончания школы. Даже когда она уехала в город, в техникум, и вернулась после трех лет учебы в деревню, опять слышала — Дунька. Девушка смирилась, пыталась не обращать внимания, и все же обижалась, хотя не показывала этого никому.

Дунечка жила с бабушкой и дедушкой. Еще ребенком родители оставили ее здесь и уехали на север, на заработки. Да так и не вернулись, прижились там, родили еще четверых детей. Они никогда не пытались забрать Дунечку к себе, считая, что ей в деревне лучше. Закончив техникум, она хотела поехать к матери и отцу, но доброе сердце не позволило оставить стариков. Дед все время болел, бабушка уже с трудом справлялась с хозяйством — обоим было под восемьдесят. В совхозе молодого специалиста приняли на работу бухгалтером. И вот уже семь лет, как она трудилась там и ухаживала за своими стариками.

— Дунечка, — обратился дед к внучке, — ты заканчивай с покраской. Бабуля уже борщ сварила. Обедать будем.

— Сейчас, дедушка, я почти справилась.

Дед Емельян направился в дом. Петька остался сидеть на скамейке, исподволь наблюдая за

его перемещением. Как только дверь за дедом закрылась, встал, облокотился на забор и посмотрел на Дунечку.

— Дунька, а ты долго в девках ходить будешь?

— А тебе какое дело?

— Да так. Думаю, кто же такой смелый будет, решиться взять в жены старую деву. Наши-то девки все замужем уже. Одна ты осталась. Если, конечно, не считать разведенков.

— Слушай, Петька, тебе какая забота? Чего прилип? Иди куда шел.

— Я бы никогда на тебе не женился...

— А я бы за тебя и не пошла.

— Чем же я плох?

— Да ты посмотри на себя: рыжий, неухоженный, злой, да еще и выпивоха!

— Посмотрите на нее: цаца какая! Сама-то белобрысая, смотреть не на что... А я вот скоро женюсь. На Вальке. Пусть и разведенная, но красивая, — он важно выпрямился, провел рукой по рыжим волосам, показывая, какой он бравый хлопец, и изобразил на лице самую добродушную улыбку, — Валя — не чета тебе.

— Ну и дура, что соглашается. Потом жалеть будет. Мало ей было одного алкоголика.

— А это не твоего ума дело. Останешься ты, Дунька, старой девой до смерти. Никому ты не

нужна такая белобрысяя!

Дунечка молча закрыла окно и исчезла в доме. Петька постоял еще пару минут и, засунув руки в карманы, вразвалочку пошел дальше по улице.

Девушка вымыла руки и села за стол, где ее ждали дедушка и бабушка.

— Не обращай внимания, внучка. Петька оболтус невоспитанный. Да еще и прогульщик. Как его только держат в совхозе? Ума не приложу.

— Бабуля, не переживай. Я привыкла к таким колкостям. Он ведь не один языком болтает.

— Вот пусть только еще хоть раз подойдет к нашему дому! — присоединился к разговору дед. — Возьму палку и огрею хорошенько!

— Не нужно, деда. Не будешь же ты за мной ходить и всех палкой дубасить, — засмеялась Дунечка.

— Послушай, внучка, это просто такая полоса на твоем пути. Скоро все изменится, ты обязательно встретишь того, кому суждено стать твоим мужем. Займешься устройством своей жизни и нас будешь изредка вспоминать.

— Ба, не выйду я замуж. Кому я нужна такая?

— Какая?

— Сама знаешь. И имя у меня дурацкое. Кто меня так назвал?

— Я. Имя прекрасное — Евдокия.

— А все Дунькой зовут.

— Меня тоже мальчишки звали Веркой. А я Вера Васильевна. Красиво?

— Красиво.

— Вот и ты Евдокия Николаевна.

— Звучит красиво. Но никто не зовет меня так. Разве что на работе, иногда. Обычно просто Дуня. Еще ни один парень не обратил на меня внимание. Только издеваются. Даже никчемный Петька туда же.

— Не беда. Ты еще молодая, твой час не настал. Посмотри на себя: ты умница, добрая, воспитанная, ласковая. Таких сейчас днем с огнем не найти! — с любовью говорила бабушка.

— Что-то никто не ищет. Все мимо проходят и посмеиваются. Некрасивая я. Не могу на себя в зеркало смотреть...

— А это еще что за разговор? Вот не знала, что у тебя такие мысли. Дунечка, ты миленькая, личико твое нежное... Не каждый мужчина способен его оценить. Да и кому здесь оценивать? Посмотри на наших деревенских парней — они и мизинца твоего не стоят!

— Ой, не успокаивай. Когда в техникуме училась, то же самое было. Все девчонки на свидания бегали, а я все вечера в общежитии просиживала.

— Главное, ты не обозлилась на людей. А счастье придет. Непременно придет.

Дунечка вышла из-за стола и стала убирать посуду. Вера Васильевна прилегла на диван, а дед Емельян вышел на крыльцо. Как только становилось тепло, он всегда грелся на солнышке, всем телом впитывал и солнечные лучи, и его живительную силу. Вскоре кашель уже не так докучал, становилось легче дышать.

Дед посмотрел на небо и от яркого света зажмурился. Когда глаза привыкли, взял маленькую табуретку и, кряхтя, устроился на ней. Но через какое-то время появились облака, подул ветер. «Вот-те на... — подумал Емельян. — Только пригрелся, а тут ветер!»

Вскоре первые воздушные облака сменились плотными тучами. Они все быстрее неслись по небу, становились все более темными и лохматыми. Солнце спряталось. Что-то зловещее чувствовалось в воздухе.

Дед Емельян встал и поспешил в дом.

— Женщины! — крикнул он, — смотрите, что на улице делается. Гроза надвигается.

Дунечка подбежала к окну. В этот момент где-то вдалеке молния вспорола небо. Резко и пугающе, как выстрел, прогремел гром.

— Дуня, отойди от окна и закрой его, — перекрестилась Вера Васильевна.

Краска еще не высохла, но Дунечка закрыла окно и задернула шторы.

— И правда, бабуля, страшно. Темно-то как стало... Ничто ведь не предвещало такого ливня, небо было ясным, — удивлялась девушка. — Интересно, надолго он зарядил? Собиралась в магазин сбежать.

— Боженька решил помочь нам. Не нужно будет огород поливать. А в магазин успеешь.

Молнии полыхали одна за другой. Следом гремела в тучах гулкая небесная канонада. У Дунечки всякий раз сжималось сердце. Гроза бушевала долго, и дождь лил, как из ведра. Все в доме притихли, свет не включали. Ждали, когда стихия успокоится.

— Бабулечка, мне кажется, или кто-то стучит в дверь?

— Показалось. Кто в такую погоду придет? Да и собака молчит.

— Собака забилась в будку, ей, поди, тоже страшно.

— Послушайте, опять...

— Дед, выйди, погляди, кто там.

— Бабушка, я сама. Пусть дедушка лежит. Время ведь еще не позднее.

Дунечка выбежала в сени и подняла массивный крючок, на который была закрыта входная дверь. Перед ней стоял мужчина, мокрый с головы до ног.

— Девушка, извините, моя машина застряла.

Дорогу размыло. Я и газовал, и лопатой подкапывал, а вязнет все глубже и глубже. Видите, что вокруг творится...

— Господи, что же это я стою! Проходите. Вас просто выжимать нужно. Простудитесь.

— Спасибо.

Он перешагнул порог и вошел в дом.

— Дунечка, кто там? — крикнула из другой комнаты Вера Васильевна.

— Человек тут в беду попал.

Послышались шаги деда Емельяна, который уже шел навстречу.

У порога стоял молодой мужчина. Он рукой стирал с лица капли, которые скатывались с волос, а на полу под ним быстро образовывалась лужица из воды, стекающей с одежды. Гость виновато смотрел на хозяина.

— Ты чей будешь? — спросил Емельян.

— Дедушка, ну что ты сразу с вопросами? Человеку обсохнуть нужно. Посмотри, промок до нитки!

— Хорошо. Дай ему мою чистую рубашку. И полотенце. Пусть вытрется.

— Идемте в комнату. Там бабушка, но вы не стесняйтесь. А я сейчас чай согрею.

Дуня подала полотенце, дедову рубашку и спортивные брюки. Пока мужчина переодевался, она поставила на плиту чайник, достала печенье,

хлеб, малиновое варенье. Мужчина вышел из комнаты, держа в руках свою мокрую одежду. Она глянула на него и прыснула смехом.

— Что не так? — спросил удивленно он, разглядывая себя.

— Все нормально, но вы такой смешной: брюки короткие, рубашка трещит по швам...

— Извините, но мне не до красоты. Хорошо, что сухое... — смущенно улыбнулся гость.

— Да это я так, не обижайтесь. Извините, лучшего у нас нет. А дедушка в два раза меньше вас.

— Может, можно где-то посушить все это?

— Наверно, уже можно на улицу. Кажется, гроза закончилась, так же внезапно, как и началась. Дождя уже почти нет, а ветер высушит быстро.

— Ну надо же! Я чуть-чуть не дождался, — говорил гость, чувствувавший себя неловко, — Столько хлопот вам доставил.

— Ничего страшного, не волнуйтесь. Пойдемте, покажу, где у нас веревка для белья.

Они вышли во двор. Дуня цыкнула на собаку, которая при виде незнакомца зарычала. Взяла из рук мужчины джинсы, футболку и повесила на бельевую веревку.

— А теперь — чай с малиной, — произнесла она, как доктор и пригласила в дом. Мужчина улыбнулся и последовал за ней. Дед, которому не

терпелось узнать, что за человек пожаловал, уже ожидал за столом.

— Как зовут-то тебя, мил человек?

— Руслан.

— Красивое имя. Как в сказке Пушкина.

— Дедуля, дай человеку чаю попить.

— Так я что, мешаю? Пусть чаевничает, греется.

Дуня налила всем чаю. И, чтобы составить гостю компанию, сама стала пить с печеньем. Она незаметно разглядывала Руслана. «Какой же красивый... Как артист», — отметила Дуня. Но тут дед Емельян снова спросил:

— В нашу деревню направлялся или мимо проезжал? Дорогу-то размыло, еще не скоро подсохнет.

— В вашу деревню. Да вот, не повезло благополучно добраться. Бросил машину. Нужно трактор искать. Руками не вытолкать.

— А в деревню-то к кому?

— Направили меня к вам на работу, доктором.

— Дедуля, — Дунечка едва не подпрыгнула, — я же говорила, что на собрании поднимали вопрос о враче. Люди за десять километров ездят на прием. Молодец наш председатель, добился все же! — голос ее стал радостным. — А надолго к нам?

— Не знаю. На пару лет точно. Отработать

нужно после учебы.

— А если вам здесь понравится?

— Я городской житель. И родственники все там. В деревне никогда и не был.

— Увидите, как здесь красиво. Свежий воздух. Вам и комнату дадут. Прямо при медпункте нашем. Комната хорошая. Я видела. Бывший-то фельдшер умер. Ему уже семьдесят пять лет было. А он все работал. Так жалко его.

Руслан смотрел на Дуню и улыбался. Ему нравилось, что девушка искренне радуется и огорчается за других людей, как разговаривает с незнакомым человеком.

— А у вас красивая улыбка, — неожиданно сказал он.

Дунечка в миг смутилась и замолчала.

Вера Васильевна, до этого сидевшая в сторонке и наблюдавшая за происходящим в ее доме, тоже села за стол.

— Может, еще чайку? — предложила она гостю.

— Спасибо. Вы и так меня спасли. Там уже, наверное, и одежда высохла.

Руслан встал и хотел пойти на улицу посмотреть, но Дунечка остановила его.

— Не беспокойтесь, я сама.

Она выбежала во двор. Ветер что было силы трепал одежду, которая практически высохла.

Снимая вещи с веревки, девушка снова подумала: «Какой же он красивый! Наши холостячки его быстро обработают. Как только узнают про нового доктора, сразу найдут причину прийти на прием». Дунечка улыбнулась и неспешно направилась в дом.

— Вот, почти высохло, — радостно сообщила она, подавая одежду Руслану.

— Здорово! Сейчас переоденусь и пойду вытаскивать машину.

— Сегодня выходной, трудно будет кого-то найти. Я пойду с вами, покажу, где живет тракторист. Он поможет.

Дед Емельян и Вера Васильевна переглянулись, промолчали и посмотрели им вслед.

Дунечка уверенно шла в конец деревни, к трактористу дяде Ване. Руслан следовал за ней. Ее белокурые волосы развевались на ветру, а она, как солнышко, светилась от счастья. Впервые рядом с ней шел красивый, высокий, атлетического телосложения мужчина. «Пусть все видят, что рядом со мной идет такой красавец, — думала она. — И пусть завидуют!».

После дождя воздух был свежий, особенно сильно пахла сирень, и окна во многих домах уже были открыты. Из некоторых выглядывали женщины, изумленно смотревшие вслед этой паре — их старая дева и такой красавец... Дунечка

понимала: они вот-вот придут в нужное место и счастье закончится. Но и это ее устраивало. Пусть смотрят и думают, что сегодня праздник на ее улице. Что будет потом? Сейчас это ее не волновало. Девушка знала — разговоры поползут из дома в дом.

Слухи действительно разнеслись по деревне молниеносно. Все недоумевали, высказывали самые невероятные предположения. И когда Руслан подвез Дунечку на своей вызволенной машине к дому, возле него уже собралась кучка любопытных.

— Дунька, кто это к тебе приехал? — первым не выдержал Петька, едва она вышла из машины.

Руслан услышал это не слишком вежливое обращение, приостановился и строго посмотрел на него.

— Молодой человек, вы всегда так разговариваете с дамами?

Петька ошалел от этих слов. Он так и не нашелся, что ответить, стоял молча, словно язык прикусил.

Дунечка, не останавливаясь, скрылась за калиткой. Руслан догнал ее почти возле дома.

— Евдокия, почему он так обращается к вам? И почему удивлен, что вы не одна?

— Они все считают, что я старая дева и у меня в принципе не может быть знакомых мужчин, — не поднимая головы, на ходу ответила Евдокия.

Слезы душили девушку. Стесняясь смотреть на Руслана, она опрометью бросилась в сад, остановилась возле яблони и разрыдалась. Но мужчина прошел за ней. Приблизившись, погладил ее по пышным волосам.

— Какие глупости! Ты прехорошенькая. И, кажется, даже не подозреваешь об этом.

— Не лгите! Уходите, прошу вас. Вам нужно устраиваться, и председатель, наверное, заждался.

— Вы правы, мне действительно пора идти. Но я обязательно вернусь. Не плачьте и не отчаивайтесь, Евдокия.

Руслан вернулся к машине. Молодежь не расходилась. Девушкам хотелось еще раз увидеть симпатичного мужчину, а парни с восторгом рассматривали автомобиль и расступились только при появлении хозяина.

— Ну что, нравится? На сегодня просмотр закончен. Займитесь делом.

Он сел в машину, оставив компанию в недоумении. Вскоре все, так ничего и не разузнав, медленно разошлись.

Был вечер, смеркалось. Дунечка сидела под яблоней, задумчиво любуясь лучами заходящего солнца. К ней подошла Вера Васильевна, устроилась рядом на траве и обняла внучку. Она видела ее заплаканные глаза, понимала, что девушка влюбилась в один миг, и не знала, как

помочь. Две женщины долго сидели, прижавшись друг к другу, и каждая думала о своем, а в общем-то, об одном и том же: о счастье, о том, как порой бывает несправедлива жизнь...

Прошел месяц. В деревне все уже знали, что Дунечка — не невеста доктора и успокоились. Дни текли, как прежде, тихо и спокойно. Временами девушку тянуло зайти в медпункт, но она всякий раз проходила мимо. Руслан окунулся в работу и только однажды, остановив машину возле их дома, вышел, подошел к изгороди и какое-то время постоял, опершись на деревянный забор. К нему вышла Вера Васильевна и на просьбу позвать внуку, ответила, что ее нет дома. Руслан простился и уехал, не спросив, где она и когда будет.

На самом деле это Дунечка попросила бабушку сказать именно так. Девушка не раз видела, как молодые женщины, нарядившись во все лучшее, шли на прием к доктору. А выходя от него еще долго счастливо улыбались и вели разговоры только о нем. Что ж, встретить холостого, интеллигентного, образованного мужчину в деревне — для одинокой женщины это как крупный выигрыш в лотерею. Дунечка была уверена, что в сердце Руслана нет места для нее, а то первое внимание к ней было проявлением если не жалости, то простой вежливости. Чтобы не будоражить себя призрачными надеждами, она старалась избегать

встреч с ним, даже случайных.

Однажды утром Вера Васильевна не поднялась с постели. Дунечка забеспокоилась, но решив, что бабушка немного отлежится и займется привычными делами, стала собираться на работу. И вдруг услышала слабый голос:

— Дуняша, что-то мне хуже становится, — позвала Вера Васильевна. — Похоже, пришло время помирать...

Евдокия с ужасом смотрела на побледневшее лицо родного ей человека.

— Дедушка, иди сюда! Бабуле плохо, — испуганно позвала она.

Дед вошел в комнату и присел на край кровати, где лежала жена.

— Что это с ней? Первый раз такое. Даже глаза закрыла... Послушай, дышит ли?

Евдокия припала к груди женщины.

— Дышит. Слава Богу! Дед, ты не отходи от нее, а я за доктором. Я мигом!

Девушка, как была в шлепанцах, помчалась в медпункт. В этот момент она не думала о Руслане. Ей нужен был врач. Добежав до дома, где располагался медпункт, она поднялась на крыльцо, перепрыгивая через ступеньку, распахнула дверь и без стука влетела в кабинет.

— Доктор! — выдохнула она, с трудом переводя дыхание, и без сил упала на стул.

— Что случилось? — Руслан от неожиданности даже вскочил.

— Бабуля... Помирает...

— Я сейчас.

Он схватил чемоданчик с медикаментами, и они выбежали из медпункта. Руслан еле успевал за Евдокией.

Когда оба оказались у кровати Веры Васильевны, она открыла глаза. Руслан первым делом измерил давление.

— Давление пониженное, но не критически. Что болит, Вера Васильевна?

Старушка посмотрела ему в глаза долгим взглядом, будто пыталась сказать: «Да все у меня нормально. Я же должна была как-то организовать вашу встречу».

— Бабулечка, не молчи, скажи что-нибудь, — чуть не плача умоляла ничего не подозревавшая внучка.

Руслан тщательно осмотрел пациентку, послушал сердце и не нашел причин для срочной госпитализации. Девушка взволновано смотрела то на него, то на бабушку.

— Ну что? Что с ней? — с тревогой заглядывала она в глаза Руслану.

— Сейчас я дам лекарство и подожду, пока начнется его действие. Если будет лучше, то оставлю ее дома. Если хуже, то отправим в

больницу. Мне придется посидеть у вас минут двадцать.

В тот момент, когда Дунечка отошла за стулом, чтобы поставить его возле кровати для доктора, бабуля хитровато подмигнула. Руслан чуть не рассмеялся, но сдержался и только кашлянул в кулак, а потом удобно расположился на предложенном ему стуле.

— Руслан, я так срочно вытащила вас, что, наверное, вы даже не успели позавтракать. Сейчас бутерброд сделаю и чай поставлю. Пока вы здесь, я спокойна, — произнесла Дунечка и скрылась на кухне.

— Милок, — зашептала Вера Васильевна, — вот что я тебе скажу. Ты все понял. Не выдавай меня. Страдает она. Ей твоя помощь нужна.

— Конечно, Вера Васильевна, не беспокойтесь. А помощь-то какая требуется?

— Поверить ей в себя нужно. Понимаешь? Недооценивает себя, комплексует... Как это сейчас говорят? Фобия, что ли... В общем, боится мужчин, избегает их.

— Она прекрасная девушка, естественна. Добрая, отзывчивая...

— Так-то оно так, но не о том ты, милоч. Стесняется она своей внешности.

— А что с ее внешностью?

— Думает, что она некрасивая.